

16+

Елена Барсукова

Ни слова про коня

Елена Барсукова
Ни слова про коня

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Барсукова Е. И.

Ни слова про коня / Е. И. Барсукова — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

История любви, основанная на реальных событиях, придуманных Джеком Лондоном. Многие поколения читателей любовных романов задумываются о том, как же вступали в интимные отношения первобытные люди. Автор делает смелые предположения на эту тему (два раза) и попутно рассказывает историю любви затворника-миллионера Джеймса Уорда и *Damsel in Distress* — Лилиан Джерсдейл. О коне в романе не сказано ни слова.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Лириан Джерсдейл всю жизнь считала себя дамой хладнокровной и здравомыслящей, но в сложившихся обстоятельствах качества эти хозяйку некстати покинули, уступив место панике. И было с чего, ведь упомянутые обстоятельства были представлены двумя пьяными, недовольными джентльменами, портмоне коих покоились в недрах юбки Лили. Судя по приближающимся проклятьям, джентльмены Лили нагоняли, а бежать она больше не могла: ноги подгибались, дорога, освещенная луной, прыгала вверх-вниз, чертов корсет не пропускал дальше глотки ни грамма воздуха.

Сдавшись окончательно, Лили остановилась в глухой тени огромного дерева и, согнувшись, попыталась восстановить дыхание, но получилось вместо этого только хрипло откашляться. В голове проскочила шальная мысль, что «может, удастся заболтать их еще разок», но интуиция подсказывала ей, что, скорее всего, в случае капитуляции болтовней она не отделается.

Лили уже было начала обдумывать вежливое приветствие, как вдруг ей явила чудо сквозная решетка дремучего парка, вдоль которой Лили ковыляла последние несколько минут. Отсутствующий прут ограды, казалось, оторван чуть ли ни самой святой Лючией специально для спасения Лили. Сомнений не возникло:

– Парк так парк, – подбодрила себя беглянка.

Она протиснулась в дыру и вслушалась в сырую тьму, стараясь разгадать, не таится ли опасность и с этой стороны ограды, но слух ее уловил лишь завывание ветра в деревьях и шелест листвы на раскачивающихся ветвях. Очень милое место, учитывая, что джентльмены, громко сетовавшие на судьбу и поминавшие Лили не ее именем, между тем приближались к ограде.

– ... да не взял я фонарик, – донеслись до Лили отголоски вялого спора. Преследователей вроде бы покидала уверенность в успехе погони. – Куда эта шлюха денется, не вплавь же она вернется в город? Вернемся на пристань, Дейв! У меня там знакомый бармен, он нальет нам в кредит, а может и подскажет, что это за чертова баба. Подождем ее там!

Сойдясь на этом, алчущие джентльмены повернули назад и вскоре покинули область слышимости Лили, как и наше повествование.

По земле, подгоняемый порывами ветра, полз тяжелый, плотный туман, и хотя Лили практически ничего не видела, зато ощущала его влажное дыхание на своем лице. Каменное основание ограды, к которому она прижалась спиной, источало сырость. Кругом царил крошечная тьма, но, делать было нечего: опасаясь возвращаться к пристани, Лили решила продвигаться вглубь парка. Может быть, попадется какая-нибудь дорожка или извилистая тропинка, которая приведет ее к спасению – причалу с другой стороны острова.

Земля была мягкой и слегка пружинила под ногами. Ее устилал многолетний слой мертвой хвои, листьев и мха. Ветви цеплялись за одежду, но разглядеть их во тьме и обойти было невозможно. Лили протянула руку и стала продвигаться ощупью, но пальцы, то и дело натывались на толстые стволы огромных деревьев. Они высились кругом, они подступали со всех сторон. Лили вдруг почувствовала, насколько она микроскопически мала среди гигантских стволов, которые нависали над ней, как бы угрожая раздавить.

Кровь бешено стучала в висках, ноги еле шли, дышать получалось только через раз – сказывался голод последних дней и сильное недоедание последних месяцев, а тут еще этот забег. Зато все происходящее приобрело некоторую иллюзорность: как будто не было ни прошлого, ни будущего, а осталась одна беспредельная ночь, которая захватила Лили на веки вечные. Почудилось, будто она попала в ловушку – куда бы она ни повернулась, всюду натывалась на стволы, сучья или на густой кустарник; выхода, казалось, не было. Лили попыталась взять себя

в руки, несмотря на подступающую тошноту и головокружение: несколько глубоких вдохов, насколько позволял чертов корсет, и она способна была идти дальше. Хорошо бы только снова выглянула луна.

Лили нащупала между двумя огромными деревьями проход и двинулась туда, стараясь прощупать ногой место перед тем, как туда наступить. Густая листва наверху не давала кое-где осесть туману, но старые туфли все равно промокли насквозь, что было, конечно, некстати, но в основном сулило неприятности в будущем – если они развалятся, придется или заплатить за починку, нарвавшись на насмешки, обувщика, или попытаться сделать это самой, что окончательно превратит их в рухлядь. Озабоченная судьбой своей обуви, Лили отключилась от реальности, но продолжала механически переставлять ноги. И тут случилось нечто неожиданное, почти невыносимое, что мгновенно вернуло ее на землю: нога ступила на что-то мягкое и живое, и это что-то зафыркало под ее тяжестью и стало подниматься.

Взвизгнув, она отпрыгнула в сторону и замерла в ошалелом напряжении. Понимая, что бежать прочь или отразить нападение неизвестного существа она не в состоянии, Лили, даже не моргая, выжидала, пытаясь угадать, что за животное выскочило у нее из-под ног, а теперь застыло в неподвижности, без единого звука, так же, очевидно, пригнувшись и настороже, как и она сама.

Напряжение становилось невыносимым. Лили была готова увидеть что угодно – от напуганного тельца или молодого оленя до кроважадного льва, – но с появлением луны то, что она увидела, явилось полнейшей для нее неожиданностью. Святая Лючия, что это...

Туманный, холодный блеск, обрисовал такое, что она не могла поверить своим глазам и опрометчиво закричала. Перед ней стоял огромный человек с рыжей гривой и бородой; руки, ноги, плечи, большая часть груди были у него обнажены, и только у пояса болталось нечто вроде козлиной шкуры, а ноги были обуты в мокасины из дубленки. Кожа у него была гладкая, без растительности, но потемневшая от солнца и ветра; под ней, точно толстые змеи, тяжелыми узлами сплетались мускулы.

Само по себе появление этого существа, было весьма пугающим, но сковывающий ужас, охвативший Лили, вызвала невыразимая свирепость в его лице, какой-то животный, дикий блеск голубых глаз, горевших холодным светом, огромное тело, изогнувшееся для прыжка. Все это она заметила в одно мгновение. Существо прыгнуло вперед, и крик Лили оборвался. Почувствовав его руки у себя на плечах, она рванулась в сторону, ударилась об дерево, и, не удержавшись на ногах, провалилась в темноту.

Глава 2

Очнувшись, Лили вслушалась в окружающий мир с закрытыми глазами. Старая привычка сработала и в этот раз. Но тишина ничего ей не сообщила, и девушка приоткрыла глаза. Обнаружив себя на узкой кровати в незнакомой комнате, залитой солнцем, без туфель, без платья и без корсета, только в рубашке и панталонах, Лили растерялась. Попытка оторвать голову от подушки взорвала нестерпимую боль. Пришлось опять зажмуриться – тошнота голода крутанула пространство туда-сюда. Со стоном дотронувшись до головы, девушка нащупала огромную шишку, которая занимала, наверное, половину лба.

– Когда же я ее посади... – но не успела Лили додумать свой вопрос, как грянуло воспоминание о прошедшей ночи.

Погоня, парк и огромное рыжее чучело в качестве апогея неудавшегося вечера вызвали стон.

– Абсурд, – произнесла Лили и все-таки попыталась сесть. Голова закружилась, и комната качнулась так сильно, что несчастная девушка чуть не упала с кровати.

– Интересно, сегодня – это завтра или уже послезавтра? – пронеслось в голове, но урчание в желудке рассеяло сомнения. – До послезавтра я бы может и не дожид.

Определившись со временем, Лили принялась за пространство, стараясь поддерживать его в равновесии. Недостающие части ее одежды валялись рядом с кроватью на стуле и под ним. Лили встала и обыскала юбку: портмоне, коих лишились два незадачливых джентльмена прошлым вечером, на месте не оказалось. Возник вопрос – оставить их в платье или спрятать в комнате, временно был снят. О том, где они могут быть, Лили боялась даже подумать и предпочла пока оставить эту мысль. В комнате было две двери и, не польстившись на основательную, видимо входную, Лили открыла простую белую дверь, за которой обнаружила ванну.

– Однако... Ватерклозет прямо в комнате! Может я в госпитале? Тогда почему меня не кормят? Я же скоро умру с голода! – вихрем пронеслось в голове. – Или я уже умерла?

В комнате было невыносимо жарко и пахло пылью, но кран, чтобы попить воды, открывать было страшновато: иерихонские трубы канализации могли преждевременно сообщить о ее пробуждении. А вот шпингалеты на окнах были совсем не страшными, и Лили решила, что открыв окно, она сможет хотя бы проветрить, а то и сбежать. Последнее было не самой глупой идеей, ведь о том, что она стала воровкой, знала теперь не только она и пострадавшие джентльмены, но и тот, кто ее раздевал. О том, кто этот кто, Лили также предпочла не думать. В конце концов, она слышала, что в тюрьме дают бобы и хлеб, а это уже кое-что.

За окном Лили увидела буйную, почти лесную, растительность, таившую желанную прохладу. Потянувшись к шпингалету, Лили привстала коленом на подоконник и уже почти дотянулась, когда услышала вопрос:

– Желаете снова прогуляться по парку?

Дернувшись, как от кипятка, Лили резко обернулась, сердце прибавило тысячу ударов в секунду, ноги не справились с высотой, и Лили опять провалилась в никуда.

Два раза за одно утро приходиться в себя с тем же чувством дурноты – испытание пренеприятнейшее. Сознание не успело включиться, а глаза уже открылись сами собой от какого-то резкого запаха. Лили сфокусировалась на двух мужчинах, нависших над ней.

Азиат, видимо китаец, убрал от носа Лили вонючий бутылек. Тошнотворный запах вьелся в носоглотку ржавчиной и, казалось, разъел слизистую, что вызвало нестерпимый кашель. Если бы в желудке девушки была хоть крошка, удержать ее точно не удалось бы.

Откашлявшись, она посмотрела на второго – крупного рыжеволосого мужчину. Аккуратно уложенные волосы, холодные голубые глаза, короткая гладкая борода, нос с горбинкой, надменный рот... Она как-то видела гипсовую голову греческого бога с похожими чертами. Он

смотрел на Лили оценивающим взглядом, и, вроде бы, неодобрительным. Совершенно немислимое предположение, вспыхнувшее в голове Лили, он прервал резким замечанием:

– Я думал, мода на обмороки осталась в прошлом веке!

Лили с трудом поняла, что он имел в виду. Ответить восклицанием: «Хочу есть, хочу есть, хочу есть!!!», она не решилась и, собравшись, начала издали:

– Простите, сэр, я некоторое время не ела, и ... поэтому... – что именно поэтому она чувствует, Лили так и не сформулировала. – Если вы подскажете, как добраться до Сан-Франциско, я бы была вам так признательна...

Повернувшись к китайцу, рыжий господин с заметным раздражением сказал:

– Принесите мисс...

– Мисс Джерсдейл, сэр, мисс Лилиан Джерсдейл, – что она миссис, но вдова, Лилиан решила не уточнять.

– Принесите мисс Лилиан Джерсдейл завтрак, – закончил рыжий сэр с явной издевкой в голосе.

Китаец вышел, а рыжий сел на стул, прямо на платье Лилиан, и в задумчивости стал барабанить пальцами по столику трюмо.

Девушка искоса его рассматривала. Руки у него были большие, крепкие и ухоженные, несмотря на темный загар. Лили обратила внимание на крошечный кусочек пластыря тельного цвета над бровью, который до этого не заметила. Прерванная ранее мысль настойчиво лезла в голову, и все же она никак не могла ее додумать.

– Простите, сэр, – осмелилась Лили. – Где я нахожусь?

– Вы, мисс Джерсдейл, находитесь в поместье Джеймса Уорда, в Мельничной долине.

– А мистер Уорд – это Вы? – вопрос получился у Лили каким-то уж совсем обреченным.

– Да, это я. – ответил мужчина. – Но сейчас более актуален вопрос кто Вы, и что Вы ночью делали в моем саду?

«Святая Лючия, – подумала Лили. – Где еда?» Когда рот занят, можно ничего не говорить. И вообще, джентльмену не должно находиться в спальне у незнакомой девушки без видимой на то причины. Но мистер Уорд, похоже, плевать хотел на нормы приличия, и решил окончательно добить Лилиан:

– И вот еще: что это? – задав вопрос, Уорд достал из кармана пиджака два знакомых Лили портмоне.

– Это портмоне, – сокрушенно произнесла Лили и покраснела.

Мистер Уорд продолжал невозмутимо смотреть на Лили, только сощурил глаза. Лили пробил страх, настолько холодным и пронзительным был этот взгляд.

– Простите, сэр, я не хотела хамить, сэр. Последнее время, дела стали совсем плохи, и я... у меня, так получилось, что мне пришлось, временно одолжить...

Мысли путались, китаец с едой все не шел. А ведь в китайском квартале лапшу приносят за считанные мгновения.

– И Вы обобрали пьянчужек в пивной у причала, а потом скрылись в саду?

– Ну, на совсем уж пьянчужек эти джентльмены похожи не были, я не думаю, что взяла последнее и оставила их без средств к существованию.

Какую-то долю секунды мистер Уорд сверлил Лили взглядом, а потом, осознав серьезность ее заявления, рассмеялся.

Лили выдохнула: пускай смеются, только бы дали поесть. Тут как раз подоспел китаец с подносом. К своему разочарованию Лили не увидела на подносе жареную индейку. Сэндвич, хоть и приличных размеров, кофе, сахар и молочник – это все. Сотворив молитву из трех слов – Господи-спасибо-Аминь, – Лили взяла было сэндвич, но остановилась: неужели они будут смотреть, как она ест? Ее колотило от нетерпения, но укусить она не решалась, так как загла-

тывать бутерброд в один присест на глазах у изумленной публики было неловко, а откусывать маленькие элегантные кусочки у нее вряд ли бы сейчас получилось.

Как живая, со своими вечными наставлениями о культуре поведения в обществе, перед мысленным взором встала сестра Доротея. Сглотнув, девушка вернула еду на тарелку.

– Спасибо большое! – сказала она китайцу, вложив в слова всю сердечность, на которую только была способна, в надежде, что благодарность будет принята как прощание обоими мужчинами.

Понял ли ее китаец не известно, но рыжий мистер Уорд все же был воспитан как надо. Он встал и, пожелав приятного аппетита, направился к двери. Где-то на заднике сознания Лили боролись две мысли: первая – надо поесть и срочно убираться, вторая – надо попробовать остаться и посмотреть, что будет.

– Сэр, спасибо Вам за гостеприимство, мне жаль, что я доставила Вам столько хлопот, я так вам признательна, – закинула удочку Лили с той искренностью, которую добавляет пустой желудок.

Мистер Уорд обернулся и еще раз внимательно посмотрел на Лили. «Срочно убираться» – решила девушка, но совершенно неожиданно, казалось, даже для самого говорящего, она услышала:

– Если Вы будете хорошо себя вести, Вы сможете злоупотреблять моим гостеприимством и доставлять мне хлопоты еще некоторое время.

Не успела закрыться дверь за волхвами, как их дар был наполовину уничтожен. Лили не любила кофе, но бросив в чашку три куска сахара, а через секунду, добавив к ним еще один, выпит был и он. Уже после того, как от сэндвича не осталось и крошки, пришла очередь молока, которое оказалось – совершенно потрясающе – жирными сливками, и съедены еще несколько кусочков сахара.

Есть хотелось еще, но пока больше было нечего. Пристроив поднос под кроватью, Лили откинулась на подушки и отдалась мысли, которая навязчиво всплывала у нее в голове на протяжении всей беседы с мистером Уордом: вчера в парке она определенно видела его, только в совершенно ином образе. Дикарь, хоть и мимолетно виденный, был его копией. Сестра Доротея, с прищуром знатока говаривала, что у богатых много специфических хобби, но бегать в чем мать родила по парку ночью – это бы поразило даже ее. Богатство мистера Уорда сомнений у Лили не вызывало. Владелец усадьбы, где даже в крохотной комнате имеется отдельный ватерклозет, был одет в великолепный костюм и являл собой (в костюме) образчик респектабельной роскоши. Соответственно, он имел право обладать эксцентричным хобби, недоступным обычным людям.

Помимо простого чудачества богатея, Лили придумала еще одну версию произошедшего: а что, если дикарь – лунатик, которого упрятали с глаз, доводящийся мистеру Уорду братом-близнецом. Лили слышала о таких случаях. Очевидно, мистер Уорд не хочет, чтобы дело получило огласку, вот и решил подкупить ее гостеприимством и бутербродом, а потом прикопать в парке.

Находиться в доме с сумасшедшим лунатиком с возможностью быть закопанной Лили не хотелось. Для побега следовало определиться с активами. Портмоне незадачливых джентльменов остались лежать на столике. Вытряхнув их содержимое на кровать, Лили обнаружила сущую мелочь: один доллар восемьдесят семь центов.

– Не густо, – разозлилась на них Лили. – Распускали руки, позволяли себе лишнего, а в кошельках ветер гуляет. – Никчемные пьянчуги, – зло произнесла она и села к зеркалу.

Чтобы хоть как-то отвлечься от разыгравшегося аппетита, Лили стала разглядывать себя. Ей было почти 25 лет, но нескладному, тощему существу в зеркале можно было дать от силы 20. Голод последнего месяца слизнул со щек и плеч хоть какую-то округлость. Лицо было измождено, и светло-карие глаза, и так слишком большие, казались просто огромными. За пять

с половиной футов от макушки до пяток, добрые сестры прозвали ее Страпилой. Прозвище Лили не смущало, ростом своим она гордилась, как наследственной чертой. Но вот что было обидно – лицо и волосы достались от матери, а фигура – отцовская: ни тебе пышных форм, ни женственной мягкости. Кости торчали из-под кожи даже в лучшие времена, а сейчас Лили напоминала развинтившегося деревянного человечка. Но, с другой стороны, она могла игнорировать ненавистный корсет. Мать ругалась, но с неба не так слышно.

Как-то в «Voque» Лили впечатлила экстрамодная стрижка «под мальчика». Пристрастие к чтению светских альманахов было ее слабостью, сколько она себя помнила, а поскольку десять центов отдать за журнал Лили позволить себе не могла, чтобы получить тот номер, ей пришлось полчаса сидеть на лавке и ждать, пока рядом не окажется публики, способной уличить ее в присвоении кем-то забытого издания. В отсутствие глянца годились и газеты: «Tribune» Лили брала с условием возврата у старика с первого этажа того доходного дома на Стэниан, который притулился возле обители сестер милосердия и в котором Лили снимала коморку; периодически попадались «The New York Times» и «Washington Post», но над ними Лили только зевала.

Стрижка «под мальчика» так и осталась яркой вспышкой, мечтой, потому что денег на парикмахера не было, а кроме того, мамино наследство – великолепную копну каштановых локонов – Лили берегла на случай крайней нужды. Она уже интересовалась – за волосы можно было выручить двадцать долларов, а может быть и больше.

Кстати, о волосах. Лили, как бы плохо ей с утра ни было, заприметила не только ванну, с двумя вентилями, но и кусок мыла в простенькой обертке. Было бы глупостью не отведать от этих щедрот. Полотенца Лили не нашла, но решив, что просто обсохнет или вытрется наволочкой, пустила воду.

Просидев в ванне почти час, Лили выбралась из подстывшей воды на неверных ногах. На застеленной (еще одно чудо) кровати, лежало полотенце, а также стоял поднос с закусками и кувшином лимонада.

– Святая Лючия, я в сказке!

Закинув кусок холодного мяса в рот и сжав кулачки в молитвенном экстазе, Лили пропела: «Спасибо! Спасибо! Спасибо! Аминь!».

Хватая еду с подноса, она обошла комнату и таки открыла окно. Перед ней простиралась заросли сада. Совсем рядом была веранда с крыльцом. Фасад это или тыльная сторона дома – определить было сложно: вроде бы какие-то клумбы были, но в таком состоянии, что больше походили на лесные лужайки. Зелень деревьев, первозданная трава и непролазные кусты производили впечатление первобытного леса. От нее до земли было около двух метров, но имелся цоколь; платье и злосчастные портмоне лежали в комнате: одеться и улизнуть, не попрощавшись, можно было в считанные минуты. Но стоит ли? Лили слезла с подоконника и решила, что поев и высушив волосы – она решит наверняка.

Поднос опустел, зато появилась приятная расслабленность. Вылезать из кровати не хотелось. Впервые за долгое время Лили чувствовала себя сытой и довольной жизнью. Сумасшедший брат, заточенный где-то в подвале, в комнату к ней не ломился, полиция не появилась, к тому же, гостеприимство владельца поместья, выраженное в еде и полотенце, было почти безгранично. «Кормят, значит, и закапывать не собираются», – подумала Лили и решила пока остаться. Отправив поднос на место прежнего, девушка прилегла и мгновенно уснула.

Лили открыла глаза в полной темноте. Прямоугольник окна тускло светился. Было понятно, что если сейчас и не ночь, то весьма поздний вечер. Желудок заурчал.

– Сколько можно, – увещевала его обладательница. – Мы столько давно не ели, а тебе все мало!

Свесившись с кровати, она нащупала пустой поднос.

– Чуда больше не будет? – на сей раз укор был послан не только любимой святой, но и нерасторопному китайцу.

Пошатавшись по комнате в темноте, Лили заплела косу и оделась. Платье было омерзительное: коричневого цвета, коротковатое, выношенное так, что шерсть местами блестела. Лили приобрела его у старьевщика, как только вернулась в Сан-Франциско, купившись на более ли менее современный фасон: ведь не важно, кем ты собираешься стать – служанкой, работницей фабрики или первой леди – выглядеть деревенщиной, значило сходу сбить себе цену. К сожалению, президент был женат, вариант работы на фабрике, как и продажа волос, признан запасным и сослан на «крайний случай», а пристроиться в служанки без рекомендаций оказалось невозможно. Так что платье носилось без повода уже год, который прошел точно в тумане и сожрал все деньги, вырученные с продажи ресторана и оставшиеся после переезда из Джуно.

На чулки и туфли Лили так и не решилась, корсет так же остался валяться на стуле. Что делать дальше – понятно не было. Лили уселась на подоконник и уставилась в темноту. И тут кое-что случилось.

С крыльца на веранде, которые Лили заприметила еще днем, выскочил тот самый голый человек. Только на бедрах болталась какая-то тряпка, и вроде бы он был обут.

– Ага! – выдохнула Лили.

Какую из теорий происхождения ночного пугала подтверждало это «ага», Лили сказать не могла, но на всякий случай перестала дышать и слилась с подоконником. Треск ветвей говорил о том, что чучело рыскало неподалеку. Вскоре шорохи понемногу стихли, и Лили вышла из образа соляного столба. Дневные размышления как рой пчел замельтешили в голове.

Любопытство победило здравый смысл – Лили метнулась к двери, щелкнула задвижкой, потом влезла назад на подоконник, осторожно спустила ноги на цоколь и прыгнула. В конце концов, не убили в прошлый раз – не убьют и в этот. Ходить босиком по лесу было делом привычным. Летом в Джуно обувь она не носила, так что промозглый туман, собравшийся в саду, был ей не страшен.

Стараясь запомнить свой маршрут, Лили двинулась вглубь сада, периодически останавливаясь и прислушиваясь. Делая шаг, Лили ощупывала траву ногой, чтобы не обнаружить свое присутствие, наступив на хрусткую ветку. Она слышала, что дикарь колотит по кустам где-то в темноте, и шла за ним. Она подошла к нему очень близко, когда дурацкая юбка зацепилась за дурацкую ветку. Последняя хрустнула с довольно громким звуком. Лили обмерла. В голове пронеслось:

– ЧЕРТ, Святая Лючия! Плохо себя веду! Вот сейчас ночью меня и выгонят, когда чучело припустится за мной, я заору и voilà... .

Треск мгновенно прекратился. Чучело затихло где-то совсем близко и, очевидно, прислушивалось. Надо было что-то делать. Лили ощупала юбку и наткнулась на кусок злосчастной ветки. Хорошо, что ненавистное платье не шуршало, а так же отлично сливалось с сумраком. Осторожно обшарив вокруг себя руками, дабы убедиться, что не заденет ничего, при броске, Лили приподняла деревяшку, размахнулась и бросила. План удался: ветка с шумом упала в кусты не менее чем в пяти футах от нее, и чучело с рыком метнулось туда. Упав на четвереньки, медленно, с большой осторожностью, пока колени не стали мокрыми от сырой земли, Лили отползла в другую сторону.

Когда Лили остановилась и прислушалась, до нее донеслось лишь завывание ветра и стук падающих с ветвей капель. На ощупь, пробравшись сквозь кусты, Лили различила освещенный участок и неожиданно выползла к ограде, напрямик к той дыре в ней, которой она воспользовалась прошлой ночью. И тут снова раздался шум. Лили буквально срослась с большим деревом, распростершим ветви далеко за середину дороги. Чучело подбежало к дереву с другой от Лили стороны, схватилось руками за ветку и перемахнуло через стену, легко спрыгнув на

землю, по-видимому, прямо на ноги. Лили услышала частое топание ног по пыльной дороге, удаляющееся в сторону холмов.

Лили обдумала свое положение: можно вернуться в спальню, почистить платье и лечь в кровать, а завтра, при случае, поесть и отчалить. И ничего любопытного больше не произойдет в ее жизни. Но уже не только любопытство влекло ее в сторону противоположную городу. Желание посмотреть на могучего мужика, каких она еще в жизни не видела, боролось со страхом. Кроме того, если убедиться, что это не мистер Уорд, а его сумасшедший брат, можно было предложить себя в качестве сиделки – она уже знает тайну, и объяснять ей ничего не придется. А может ей дадут денег за молчание, если она намекнет...

– Святая Лючия, это же шантаж и как опасно! – подумала Лили и вылезла на дорогу, по пыли которой она бежала еще вчера... или позавчера.

Держась обочины, скрытой непостоянной тенью, Лили поднималась в холмы.

Глава 3

Ей казалось, что шла она уже часа полтора и на каком-то очередном подъеме, который с каждым шагом становился все круче, она сдалась. Для вящей безопасности Лили перелезла через деревянный заборчик, попав, как она решила, на выгон.

– Ну и ну! – проговорила она, вытирая с лица пот и капли влаги.

Сев на траву, Лили погрузилась в путаные мысли о собственном безумии.

Дорога была одна, никаких ответвлений не имела. Пойти назад в темноте и быть застигнутой в самый неподходящий момент, желания не было. Лили решила ждать чучело или рассвета здесь, спрятавшись за небольшим кустом. Она легла и попыталась дышать ровно.

Видимо, она задремала, потому что, разбуженная тьяканьем молодого койота, не смогла сразу определить, где находится и сколько прошло времени. Оглядевшись и увидев койота на краю холма позади себя, она заметила, как изменился облик ночи. Туман рассеялся, на небо высыпали звезды, и выплыла луна. Даже ветер приутих. Стояла мягкая летняя калифорнийская ночь. Койоты – те же собаки – вблизи города в стаи не сбивались, и Лили не испугалась. На севере она встречала даже медведей, так что какой-то койот особого впечатления на нее не произвел. Но тьяканье не давало ей опять провалиться в сон.

Провалявшись на траве еще около часа, Лили вдруг услышал какое-то дикое, жуткое пение. Подняв голову, она увидела, как по гребню холма, перестав лаять, бежит койот, а за ним, тоже молча, мчится нагое чучело из сада. Койот был молодой и сильный, но чучело, как она успела заметить, настигало его; потом они скрылись из виду. Лили поднялась и перелезла через ограду. Ее било как в лихорадке, но надо было спешить. Путь к Мельничной Долине был свободен, а определить мистер ли это Уорд или его сумасшедший брат – можно было позже, спрятавшись возле веранды.

Лили неслась по уклону с головокружительной быстротой, но на повороте в низине, там, где на дорогу падали густые тени, она упала и слегка подвернула ногу.

– ЧЕРТ! Не везет, так не везет, – бормотала она, пытаясь подняться.

Дальше Лили двинулась со скоростью достойной молодой леди, только немного прихрамывающей. Заветная ограда сада была недалеко и, дабы удостовериться, что с ней действительно случилось то, что случилось, и это был не сон, Лили стала искать следы на дороге.

– Вот они! – огромные, глубоко ушедшие у пальцев в землю, следы мокасин.

Лили наклонилась, рассматривая их, и тут снова услышала жуткое пение. Надо было поторапливаться. Поняв, что бежать по саду сейчас опасно, она опять спряталась за деревом, вжавшись в тень, совсем чуть-чуть высунув голову и глядя между прутьями.

Вскоре «певец» появился собственной персоной. Он пел и при этом быстро бежал. Остановившись возле дерева, он подпрыгнул, ухватился за сук и, перебирая руками, быстро, обезьяньи, вскарабкался наверх. Оттуда он перемахнул через стену, в паре футов от Лили, уцепился за ветви другого дерева, спрыгнул на землю, в сад, и направился в сторону дома.

Лили с колотящимся сердцем, поднялась из своего укрытия, когда шум окончательно стих. Утро подступало, и она уже различала серые ветви кустов. До поместья удалось добраться без происшествий. Она уже различала свое окно, как вдруг в дальнем конце веранды зажегся слабый свет. Лили, пригнувшись, подбежала к дому и проверила, открыто ли окно. Окно было открыто, но девушка не спешила вернуться в комнату. Сжавшись, она подкралась к веранде. Добравшись до освещенного края, она выбрала место, где кусты плотнее всего подходят к окнам, и приподнялась. Чучело стояло посреди веранды и вытирало лицо полотенцем. Рядом стоял китаец. Слуга набросил халат ему на плечи, и из чучела получился вполне себе мистер Уорд.

Глава 4

Лили проснулась и сладко потянулась. Думается, время шло уже к полудню. Тревожное чувство, как будто она что-то забудет прямо сейчас, мешало сосредоточиться на реальности. Это был сон! Схватив его за хвост, Лили разом вспомнила сновидение и прыснула смехом.

Может быть, так на нее подействовала ночная прогулка, а может созерцание почти голого мужчины ночью, но ей приснилось, что она трахалась с мистером Уордом, который был, вовсе не мистер Уорд, а был это один непутевый дурак, который таскался к сестрам клянчить деньги и зло скандалил, когда ему предлагали суп. Только был он рыжий и с бородой. Они были голые, в саду, и Лили просто изнывала от удовольствия.

– Святая Лючия... – дальше мысль не двинулась, но возбуждение, оставшееся со сна, никуда не делось.

Лили припомнила, что последний раз подобные сны видела еще до замужества, когда впервые в жизни влюбилась (в молоденького мексиканца, сгоревшего буквально за пару дней от холеры в сестринском лазарете). О мистере Джерсдейле вообще говорить не приходится. В принципе, многие мужчины в его возрасте еще вполне резвы, но он к таковым не относился и был охоч скорее до виски и свинины, чем до женщин. В первый год совместной жизни муж ознакомил Лили с вялым беззвучным сексом, который никогда не длился более нескольких минут и зачастую ничем не заканчивался. Оставшиеся годы они вообще спали в разных местах – Лили на кухне, а Джерсдейл в конторе – и исполнением супружеского долга супруги не злоупотребляли. Вопрос заведения потомства, к счастью, не волновал их обоих: Лили и так хватало забот, а мистер Джерсдейл, наплодивший в свое время семерых неспособных к жизни девочек и мальчиков, постоянно приговаривал: «Эти засранцы сожрали мои деньги, как саранча урожай Небраска», – и не хотел спровоцировать повторного нашествия вредителей. В общем, семейная жизнь не вызывала у Лили особого отвращения, но навсегда лишила ее романтических представлений о совместном проживании рядом с мужчиной. И тут на тебе...

Оставив воспоминания, Лили села в кровати. В этот момент в дверь постучали. Что делать: струсить и прикинуться спящей, было просто; с другой стороны, очень хотелось кушать, и к тому же, существовала опасность, что все равно разбудят и выставят вон. Надо было действовать.

– Я не сплю, – сказала Лили, но тут сообразила, что дверь заперта.

Соскочив с кровати, она ощутила боль в подвернутой ноге.

– Святая Лючия, идея! – пронеслось в голове, и Лили, слишком сильно прихрамывая, хоть этого никто и не видел, доковыляла до двери.

На пороге стоял китаец. Лили присела на одной ноге – получилось коряво, но смысл сейчас был не в грации движений.

– Надо забрать поднос, я принести завтрак.

– О, спасибо вам огромное! Простите, что я заперлась, я опасалась... – и запнулась. – Простите, далеко ли отсюда до пристани? Я, видимо, подвернула ногу вчера, позавчера, – поправилась Лили. – И она болит. Не укажете ли Вы мне короткую дорогу? И поблагодарите за меня мистера Уорда, он великодушный человек.

– Он сам зайти.

И дверь захлопнулась

«Вот это да! Он еще не на службе, не в конторе, он что же, только бегаёт по саду и сидит дома. Многие хотели бы так жить!» – восхитилась Лили, и тут же рассмеялась, представив сестер бегающих голыми ночью по полям. А что, вот мистер Джерсдейл примерно так и жил: наливался с утра виски, спал, вечером сидел ипил с посетителями, потом опять спал. Респектабельный ресторатор на покое!

Не успела Лили спрятаться назад под одеяло, как дверь открылась. Вошел китаец с подносом и мистер Уорд. Одетый. Лили улыбнулась своей мысли.

– Ли-Синг сказал мне, что Вы вывихнули ногу.

– Доброе утро, сэр! – почти одновременно с ним сказала Лили. – Вряд ли, сэр. Немного подвернула, не более того. Вчера она болела сильнее, сегодня уже проходит.

– Позвольте, я посмотрю.

Лили высунула ногу из-под одеяла. «Святая Лючия, нога даже немного припухла, какое счастье!» А еще было отличной идеей, отдраить перед сном ноги с мылом.

Мистер Уорд взял ступню в руки и аккуратно повертел туда-сюда. «Какие же горячие у него руки, такие крупные, сильные, подержал бы еще», – Лили немедленно покрылась мурашками, а в желудке исчезло притяжение.

– Вам нужен врач, – констатировал Уорд.

– Что Вы, сэр, абсолютно не нужен! Я буду аккуратно наступать на ногу, и все пройдет уже завтра, – вцепившись в одеяло, пролепетала Лили, а про себя добавила: «Но если Вы позволите мне остаться, дело пойдет не так уж и быстро».

– Хорошо, – подумав, произнес Уорд. – Сегодня отдыхайте, но если завтра ситуация не изменится, мы вызовем врача.

– А как же...– Лили хотела добиться хоть какой-то определенности, но стоило Уорду повернуться к ней, она тут же выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.